

Ирина КРАЙНОВА Зинкен

Вот и ушла наша мама и бабушка — в 90 лет, тихо, во сне. Сильный характер, трудная судьба — и большая любовь ко всем нам. Она была коренной одесситкой, получила два образования, хорошо и много работала, но главная ее работа была в семье, она и со-творила нас — такими, какие мы есть.

Пока еще не остыла рана от ее ухода, пока помнятся или всплывают позабытые черточки, веду эти нестройные заметы.

Зинкен... Так, полушутливо, на немецкий манер, прозвала ее старшая сестра. Все-таки их мама наполовину немка.

Старшую, Лару, звали Лархен и... Стопакеркой (от фамилии, которую она и в замужестве не поменяла), и взрослые дети потом ее так называли. Лара и Зина были сестры-неразлучницы. Редкий тип пламенной сестринской любви. Но это они потом поняли. А сначала круглолицая хохотушка Лара с вьющимися мелкими колечками волос выросла, от-растила толстую косу — пошли девичьи тайны с подружками. Мама (бабушка Мара) — фтизиатр, вечно на дежурствах, на приемах, на вызовах. Велит ей Зинку-корзинку везде с собой брать, а та болящая, с перевязанным косыночкой горлом — гланды, опухшие железки, 33 болезни. Еще и дифтерит умудрилась подцепить. Но попробуй не взять — маленькая худышка с огромными темными глазами побегит следом, заверещит, все равно догонит. Упрямства ей на троих хватит.

Лара поступила в Одессе в мединститут, Зинкен продолжила жить с родителями. Отец (дедушка) Николай Стопакевич, "буржуазный спец", как его величали, приезжал с семьей туда, где в очередной раз объявляли столицу Молдавской республики. Работал в Госплане.

Кишинев бомбили в первые часы войны. Бабушка Мара собрала дочке крохотный чемоданчик и посадила на поезд, шедший в Одессу, к бабушке Инне. Ну не могли фашисты осмелиться напасть на их прекрасную Одессу! Никто в это не верил. Это был последний поезд из Кишинева. Вместо положенных семи часов шел семь дней: состав сутками держали на разъездах, загоняли в тупик, бомбили. Вместо разбомбленного пересаживали в другой... Мама всю жизнь опускала голову и искала укрытие при виде низко летящего самолета. Мне тоже передался ее "самолетный" страх.

Следом в Одессу пришли родители. Пешком, с двумя маленькими узелками — ничего не уцелело в их квартире, куда упала бомба. Оборона города, оккупация, долгие месяцы ожидания "своих"... Бабушка Мара работала в туберкулезном санатории (как при Советях),

но своих "соотечественников" в фашистах не признавала и упорно делала вид, что совсем не знает немецкого. А партизан лечила — бледные, с характерным землистым оттенком лица, они частенько навещали "своего" доктора.

И тут Зинкен показала свой норов. Ее отдали в открывшуюся при румынах школу. Она посидела, послушала, пришла домой и — забросила рюкзак в самый дальний угол: "Не пойду я больше — там закон божий заставляет учить!" Дочь старорежимного врача, рациональная, техничная, из того первого советского поколения, кому посулили коммунистический рай, мама так и не "перекрасилась" и "модную" религию не признала. Зинкен — из рода потомственных священников, неординарных личностей, отмеченных высокими наградами и званиями. Крестил ее в младенчестве сам дедушка-протоиерей. Но у мамочки характер был твердый, цельный — и особое мнение во всех случаях жизни.

Школу она окончила уже после войны, экстерном — на всех пятерках, между прочим. И всегда сама решала с внуками трудные и каверзные задачи, хоть была чистой воды гуманитарий.

Два самых тяжелых ее военных воспоминания... С ватагой ребятишек поход в Лермонтовку — за солью. Где ее еще достанешь? А там за оградой серела внушительная гора соли, часовой охранял. Детишки просили разрешить набрать, выталкивая вперед художочную, несчастного вида Зинку с ее молящими карими очами. В обмен несли румыну мамалыгу, позже он потребовал каши, потом — лепешку.

Второе воспоминание — когда оборона немцев трещала по всем швам. Они покидали город, неустанно гоня в Германию эшелоны с подростками и молодыми людьми — дармовой силой. Бабушка Мара прятала сестер, дедушку и племянника на антресолях — в узком чуланчике под самым потолком. И невозмутимо открывала дверь на звонки. Как-то румынский солдат сильно ударил прикладом в дверь... Страх темных тесных помещений остался у мамы навсегда.

Были трагичный уход из семьи давно гулявшего отца, послевоенная нищета, голод 1946 года, брюшной тиф у подцепившей "всякую заразу" Зины. Уже выздоравливая, тощая, маленькая, бритая под мальчишку, она сидела в окошке больницы, с проснувшимся волчьим аппетитом поджидая банку куриного бульона — роскошь тех дней. Толстушка Лара, похудевшая, осунувшаяся, с трудом дотаскивала банку, борясь с неис-требимым желанием отпить пару глотков теп-

лого, золотистого, с редкими жиринками на-питка. Зинка встречала ее криком: "Ларка! Ты по дороге съел лапки отщипнула, я же ви-жу!" Лара готова была рыдать от обиды и не-справедливости...

Зинкен всегда умела подняться, как Фе-никс из пепла. Поправилась, окрепла, посту-пила в зубоучебную школу. Правда, ее меч-той был иняз, английский язык. Взяли туда кандидатом — одно образование у нее уже было. Кандидат училась на одни пятерки, и красный диплом не стоил ей больших уси-лий — что-то, а учиться она умела. Когда ее младшему внуку пришлось изучать немецкий, засела за учебники — освоила и этот, генети-чески родной.

У Зины и Лары, двух одесских красавиц, низ-кое окошко на Белинского, уютное гириляндами виноградных листьев, всегда было открыто для веселых молодых компаний. Ухажеров хватало. Зинкен отхватила сразу трех "женихов". Высокий умопомрачительный брюнет с голу-быми глазами и эффектной фамилией Подне-бесный. Не больно красивый, но сильно умный Алик, инженер, новые языки он учил "для общего развития" и стал незаменимым при встречах иностранных делегаций на родном заводе. Не такой красивый, как Поднебесный, не такой эрудит, как Алик, был наш папа Вита. Мама безошибочно выбрала самого лучшего.

Всю жизнь он любил только ее, нежно и крот-ко, отдав ей безропотно все домашние бразды. Папа был военным, командовал ракетной бри-гадой — "руководства" хватало на службе. Ма-ма, с ее стальным стерженьком внутри, подни-мала в шесть утра два семейства — наше и тети Лары, считала по головам и строем вела в Отраду. В 11 часов мы от вредного солнца уходили. В летние месяцы аж десять человек наезжали в нашу 15-метровую комнату. Ран-ним утром детки пиццали, обреченно цепляясь за подушки, но Зинкен была непреклонна. "Мо-ре тока по утрам — и ша!.." Мы ждали дождли-вого дня, как манны небесной.

Может, в нашем воспитании она где-то и пе-ребибала палку. До 45 моих лет ходила с про-верками в мой дом — все ли хорошо убрано. Я старательно надраивала его, как матрос палу-бу. Но Зинкен, словно надев белые адмираль-ские перчатки, проводила пальцем по вообра-жаемой палубе и что-то обязательно находи-ла. Я дрожала как осиновый лист перед при-ходами нашего главноком. Этот свой стерж-нек обязательности, порядка и воли к жизни она сумела вложить во всех нас. Мы не тер-пим неубранных постелей, грязной посуды и полов. А еще мы очень не любим дешевых сантиментов и носохлюпанья. Чувство юмора людей с золотинкой одесской крови всегда держит на плаву. Это в нас от мамы.

Судьба отца-военного бросала семью по Союзу, как мячик. Кем только не работала на-ша Зинкен, когда не было места по специаль-ности! Хирургическая сестра, метеоролог на станции, учитель продленки, завбиблиоте-кой. Помню, как второгодники нашей ленин-градской школы бегом бежали к ней в про-

дленку. Секрет был прост. Она натащила из дома кучу интересных игр и очень доступно объясняла им математику. Ей пришлось ра-ботать до 70 лет. Папа ушел очень рано, надо было "образовывать" младшую дочь.

И в 70 она была стройна и подтянута так, что курсант, приняв со спины за девушку, долго шел за ней по улице. В 80 собирала соседских ребятишек в придачу к собственным внукам и везла эту ораву на пляж. Что в Саратове де-ло непростое: пляж на острове, да и до Волги далеко ехать. До 85-ти лазила в погреб за кар-тошкой и "прибраться" там, за что мы ее очень ругали, делала всему подъезду бесплатные уколы — кому куда надо.

В 87 после микроинсульта потеряла па-мять, узнавала только меня, плакала, что в ее квартире чужие люди — этот кошмар про-должался четыре месяца. Но это же Зинкен!.. Она восстановилась и только сетовала, что позабыла... английский язык. "А ты запи-сывай, какие помнишь глагольные формы, и "Полиглот" глянь по телевизору", — посове-товала я. Мама посмотрела все 16 уроков Пе-трова, все вспомнила, сделала отличный кон-спект и отдала его мне: "Если б нас учили, как Петров, я разговаривала бы, как английская леди, и вас бы всех научила!"

Нет, их хорошо учили в одесском инязе. Грамматику она знала железно, книжки ан-глийские тоже читала. Навыки же разговорной речи не давали, видно, из-за "холодной вой-ны", которая в начале 50-х цвела пыльным цветом.

Зинкен даже после клинической смерти скоро пришла в себя, к удивлению врачей. И каждый день с утра она снова сидела на крышке погреба во дворе. Всегда чистая ком-натка, вымытая посуда — не терпела "рас-кирдаш" и помогала дочери в хозяйстве до последнего. "Строила" ее, увидев малейший беспорядок. Если не книжка, то журнал в ру-ках — Зинкен была книголюб, как бабушка Ма-ра. Нам казалось, что так будет всегда. И ма-триарх рода, перешагнув серьезную возраст-ную отметку, пребудет с нами вечно...

На поминках мы услышали много нового. Открылась вторая жизнь Зинкен. Соседи на-перебой рассказывали, как приветливо она с ними здоровалась, говорила комплименты или критиковала наряды и внешний вид, вни-кала в их проблемы, советовала — была сво-его рода талисманом двора: "И вечно с томи-ком Пушкина в руках, и отжималась она до последнего..." Так рождаются и мифы. Зин-кен читала только мемуарную литературу, а "жимы" ей — на десятом десятке! — заме-нил эспандер. И ведь она ела совсем не по-лезную пищу: обожала докторскую колбасу и тахиновую халву. Ослабла и устала жить она только в самом конце.

Но в легендах двора осталась крепкой, не-сокрушимой, оптимистичной старушкой с от-менным воспитанием (ко всем обращалась на "вы"). Примером, что и в глубокой старо-сти можно и должно жить полноценно.

Светлая память, мамочка, и прости за всё...

Евгений ДЕМЕНОК Продолжение весёлых и поучи- тельных историй, придуманных и рассказанных за кружкой пива

О необходимости быть бдительным

Николай Никифорович, высокий сухопарый седой вдовец, подполковник в отставке, по-сле выхода на пенсию продавший дом в Одессе и купивший мезонет в Лимассоле, никогда не достаёт все письма из почтового ящика. Одно письмо он всегда оставляет для приманки.

— Рекламу к рекламе, письма к письмам. Счета можно не оставлять.

Однажды вечером, после долгой поездки в горы, он вернулся домой уставшим и маши-нально вынул из ящика абсолютно всё.

Целый месяц ничего не приходило.

О культурном коде нации и некоторых привычках

— Объясни мне, Иоганн, почему она так пьется?

Гончаров со злостью грохнул подносом о стол.

— Ну ладно, я понимаю, наши. Так они пь-

ются от бескультурья. Им никто не объяснял, что любопытство может раздражать. Но ва-ши-то, ваши! Культурная нация! Столп Евро-пы! И всё равно — пьются, будто еды нико-гда не видела. А у нас ведь с ней одинаковые комнаты, одинаковый завтрак, мы приехали по одинаковой курсовке, и она может взять себе то же самое, что и я!

Гёте немного виновато посмотрел на Гон-чарова, но не совсем понял, что вызвало та-кое возмущение его друга.

— Кто тебя так завёл, Иван?

— Вон она, эта фрау, за три столика от нас. Она чуть голову себе не вывернула, рассмат-ривая, что я взял себе на завтрак.

— Я не удивлюсь, если она пойдёт сейчас к буфету и возьмёт то же самое, — улынулся Гёте. — А вообще ты слышал о культурном ко-де нации? Значит, это часть нашего кода.

— Это, видимо, заразно, — пробурчал Гон-чаров, намазывая масло на хлеб и укладывая сверху ветчину. — Чехов вы этим тоже зара-зили. Рассмотрят тебя с ног до головы, будто ты чудische какое-то. Так и хочется наругать.

— За чехов я, пожалуй, вступлюсь. Ездил недавно в пражском метро, никто в мою сто-рону и не глянул. А вот ваши-то, бывшие!

В Иерусалиме попробуй пройди — пьются бессовестно, не скрывая любопытства. Осо-бенно религиозные.

— Иоганн, не трожь святое, — ответил Гон-чаров серьёзно, но улыбка тронула кончики его губ. — А вообще-то — вот они, самые вежливые и невозмутимые.

Он указал на портрет всегдатая Мариен-бада, английского короля Эдуарда VII, вися-щий над столом.

— Ехали мы недавно с приятелем из Лон-дона в Брайтон поездом. Ты же знаешь эти поезда. Роскошный пульмановский вагон. Кожаные кресла, кондиционирование возду-ха... И вот сидят они напротив тебя в этих самых креслах, с невозмутимыми лицами, газеты читают, словно никого в вагоне боль-ше нет. За час ни разу по сторонам не глянут, я уж не говорю ни о каком eye contact. Как им это удаётся — ума не приложу. Бесит просто.

— Так что, выпьем за eye contact?

— За него, но с человеческим лицом!

Друзья чокнулись чашками с утренним ча-ем. Фрау за три столика от них посмотрела неодобрительно.

— Как там твой Обломов? — спросил Гёте.

— Ты знаешь, отлично, — ответил Гонча-

ров. — Я часто сам ему завидую. Как-то всё у него удачно складывается — я за него меся-цами корпю над бумагой, исписываю сотни листов, а он живёт на всём готовом.

— Такова участь писателя, — сказал Гё-те. — Хотя не мне тебе объяснять. Ты за них всё придумываешь, а они потом и спасибо не всегда скажут. Ну хорошо, мой друг, до ве-чера, пойду пройдусь своим традиционным маршрутом. Да и Ульрика задалася.

— Ты знаешь, Иоганн, я думаю, когда-нибудь тропинку в лесу, по которой ты гуля-ешь, назовут твоим именем. А моим, пожа-луй, только диван.

Оба рассмеялись.

— Да уж, такова участь писателя, — сказал Гончаров. — Пойду возьму ещё пару сосисок и тарелку ананасов. Фрау, слава Богу, уже ушла.

О необходимости быть решительным

Аполлон Григорьевич дожил до девяноста, но так и не решил, чем хочет заниматься в этой жизни.

Решил подождать следующей.

О необходимости быть весёлым и находчивым

Двадцатилетний опыт работы в сфере тури-зма не прошёл для Аркадия бесследно. От-сылая резюме на соискание престижной должности, он никогда не указывал в нём ме-ста предыдущей работы.

Вместо этого он указывал места, в которых отдыхал.

Всегда срабатывало.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маршаловская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.